

Звуки доносились из небольшого дворика впереди. Пройдя еще немного, спутники смогли расслышать их яснее. Цзин Юньшу, не колеблясь, уже собирался было шагнуть во двор, но вовремя вспомнил, что за его спиной стоит Чжили — девушка благовоспитанная и скромная. Он вполголоса напутствовал ее:

— Постой снаружи. Если кто пойдет сюда, подай голос. А лучше — просто беги отсюда.

Чжили, хотя и не была робкой кисейной барышней, густо покраснела, но смогла сохранить самообладание и молча кивнула.

— Тихо, — с любопытством шепнул Цзин Юньшу и на цыпочках скользнул в калитку. Чжун И, обреченно вздохнув, двинулся следом.

Из глубины заброшенного строения долетел приглушенный женский всхлип:

"Умоляю, господин, отпустите меня... Пощадите... а-ах... м-м..."

Ей явно зажали рот.

С каждым шагом стоны слышались все отчетливее. Дворик этот лежал на самом отшибе; за ним давно не ухаживали, и он успел порядком запуститься. Повсюду торчал сухостой, веяло запустением. К счастью, вдоль стен тянулась крытая галерея. Не будь ее, Цзин Юньшу ни за что не прошел бы бесшумно по заваленному хламом двору, где земля была покрыта коварной ледяной коркой.

Обогнув галерею, Цзин Юньшу подобрался к окну ветхой пристройки. Дома той эпохи отличались от более поздних построек: окна в них делали широкими и низкими. Юньшу пришлось согнуться в три погибели, вытягивая шею, чтобы расслышать хоть что-то.

"М-м... м-м..."

— Лежи смирно, если не хочешь, чтобы об этом узнали. Иначе тебя никто замуж не возьмет, — раздался мужской голос.

Цзин Юньшу осторожно отогнул краешек надорванной оконной бумаги и заглянул внутрь. Свечей в комнате не зажигали, царил полумрак. Из своего укрытия он разглядел лишь чьи-то голые белые ягодицы, совершающие ритмичные движения, но лица мужчины видно не было.

"Негусто, — подумал Цзин Юньшу. — Уж если я решился на такое, надо выжать из ситуации все. Хотелось бы увидеть лицо этого шутника — компромат лишним не бывает".

Но время поджимало. Ему еще предстояло засвидетельствовать почтение старой госпоже.

Наверняка все женщины усадьбы уже собрались в ее покоях и ждали только его, чтобы сесть за стол. Торчать под окном, пока эти двое закончат свои ласки, было некогда.

Цзин Юньшу уже прикидывал, как бы напугать любовников, когда снаружи донесся встревоженный голос Чжили:

— Ах, батюшки! Где же мой платок?.. Куда он делся?

Видимо, кто-то шел. Те двое в пристройке тоже замерли, услышав крик. Цзин Юньшу вздрогнул от неожиданности, обернулся к Чжун И и указал пальцем вверх, на крышу. Охранник мгновенно все понял. Подхватив хозяина под мышки, он бесшумно взмыл вверх и затаился на заснеженной черепице.

Тем временем в комнате началась спешная возня. Любовникам понадобилось несколько мгновений, чтобы натянуть одежду. В калитку двора поспешно вбежал молодой слуга. Оглянувшись на улицу, он торопливо зашагал к дверям пристройки.

Разглядывая пришельца с крыши, Цзин Юньшу прошептал на ухо охраннику:

— Лицо этого малого кажется мне смутно знакомым.

К сожалению, даже с крыши рассмотреть лицо "господина" не удалось — тот стоял к ним спиной.

Заметив своего слугу, барин заметно расслабился. Он все еще путался в складках поспешно наброшенного халата, и слуга поспешил помочь ему оправить воротник.

— Второй господин, — торопливо зашептал слуга, — у старой госпожи уже накрывают на стол! Нам нужно спешить. Третий господин, должно быть, уже идет туда.

Тот вскинул подбородок, позволяя застегнуть ворот, и хмуро спросил:

— Что там был за шум снаружи?

Слуга так и встрепенулся:

— Ах да! Какая-то девка искала платок неподалеку от поворота. Самого двора она не видела, я ее сразу прогнал.

— Хм, — процедил второй господин. Из глубины комнаты все еще доносился тихий плач. Мужчина обернулся к дверям пристройки и раздраженно бросил: — Чего расселась?

Собирайся и проваливай к себе. И помалкивай, если жизнь дорога!

Бросив эту фразу, он недовольно развернулся и зашагал прочь из двора.

Лишь спустя пару минут из дверей выскочила заплаканная женщина. Прижимая к лицу платок, она опрометью бросилась со двора. Убедившись, что поблизости больше никого нет, Цзин Юньшу и Чжун И бесшумно соскользнули с крыши.

У ворот их поджидала бледная от волнения Чжили.

— Господин, вы в порядке? — едва переводя дыхание, спросила она. — У меня сердце чуть в пятки не ушло, когда вошел тот малый.

— Все хорошо, — усмехнулся Цзин Юньшу. — Кто бы мог подумать... Оказывается, это второй сын наложницы Ху балуется здесь на стороне.

В свое время брат госпожи Ху служил под началом Юнь Буши и, желая выслужиться, преподнес ему сестру в подарок. Позже, когда Юнь Буши попал в опалу, а затем вновь пошел на подъем, родичи Ху немало поспособствовали его продвижению. Неудивительно, что госпожа Ху стала первой наложницей, которую Юнь Буши вернул в свой дом после возвращения из ссылки, хотя вошла она в семью позже госпожи Ань.

Она родила ему двоих сыновей. Второй из них, Юнь Вэнь, уже обзавелся собственной семьей и занимал Двор Литературного Кебра. Также у нее подрастали пятнадцатилетняя дочь Юнь Жулянь и двенадцатилетний сын Юнь Е.

Тот, кто только что спешно покинул полуразрушенный флигель, как раз и был вторым сыном — Юнь Вэнь. Вот только кем была его сегодняшняя пассия? Явно не благородной барышней — вряд ли у Юнь Вэня хватило бы дерзости замахнуться на кого-то из знатных девиц усадьбы.

Отбросив лишние мысли, Цзин Юньшу обратился к служанке:

— Тот лакей заметил тебя. Если ты сейчас пойдешь со мной к старой госпоже, это может навлечь лишние подозрения. Возвращайся в наши покои. И постарайся в ближайшие дни поменьше попадаться на глаза слугам. Пройдет пара дней, и они о тебе позабудут.

Чжили послушно кивнула, вернула хозяину нефритовую грелку и, присев в глубоком поклоне, поспешила обратно.

Цзин Юньшу шел быстро. Из-за теплой, тяжелой одежды дыхание у него слегка сбилось. Оставив плащ и грелку на попечение Чжун И в приемной, он переступил порог покоев старой госпожи.

Здесь уже собралось все семейство. Едва он вошел, как на него устремились десятки выжидающих взглядов.

Сидевшая у самого края стола Ли Ацзяо кокетливо потерявила шелковый платок и ядовито заметила:

— Надо же, старая госпожа ждет его уже битый час, а третий молодой господин изволил явиться только сейчас. Верно, привез с собой столько добра, что без личной переписи и шагу ступить не решился?

Цзин Юньшу, едва переводя дух, мягко улыбнулся:

— С самой моей первой минуты в этом доме матушка Ли только и делает, что заглядывает в мои сундуки. Слышу об этом уже не в первый раз. Если вам так любопытно, я велю принести сундуки с моим платьем прямо сюда. Выбирайте все, что вашей душе угодно, матушка Ли, мне для вас ничего не жалко.

Эти слова выставили Ли Ацзяо на редкость жадной и мелочной особой, зарившейся на пожитки пасынка. Стоявшая рядом наложница Ся, вошедшая в дом за те годы, что Цзин Юньшу провел на чужбине, не удержалась и прыснула в кулак, прикрыв рот надушенным платком.

Если Цзин Юньшу из уважения к отцу еще величал Ли Ацзяо "матушкой", то наложница Ся, будучи законно признанной младшей супругой, занимала куда более высокое положение. Она без стеснения обратилась к сопернице напрямую:

— Сестрица Ли, ну право же, как нестыдно! Зачем тебе тряпки молодого господина? Если уж тебе так не терпится обновить гардероб, я могу велеть принести сундуки из моих покоев. Выбирай что хочешь. Все равно они без дела пылятся, хоть тебе сгодятся.

Ли Ацзяо побагровела от злости:

— Да как ты смеешь!..

Не давая ссоре разгореться, Цзин Юньшу почтительно склонился перед восседавшей во главе стола старой госпожой и сидевшей чуть ниже старшей госпожой Ван:

— Прошу почтенную бабушку и матушку простить мою оплошность. Мое здоровье оставляет желать лучшего, от долгой ходьбы я сразу начинаю задыхаться и вынужден часто останавливаться, чтобы перевести дух. Бабушка у меня добросердечная, и я более всего боялся явиться в неподобающем виде и встревожить ее своим недугом. Это было бы куда большим грехом.

Учтивые слова Юньшу пришлись старой госпоже по душе. Она и прежде знала о его слабости и теперь лишь преисполнилась жалости к внуку. Махнув рукой служанке, она распорядилась принести табурет:

— Присядь скорее, дитя мое. Опоздание — пустяки, здоровье превыше всего. А мне вот кажется, что ты заметно окреп по сравнению с прошлым годом.

— Благодарю за заботу, бабушка. Мне действительно стало немного лучше, — с улыбкой ответил Цзин Юньшу. — Похоже, наставник из храма Белого Облака был прав.

Старая госпожа согласно кивнула и указала на молодых людей, сидевших позади матерей, и на барышень, скромно расположившихся у противоположной стены:

— Ты столько лет провел вдали от дома, что, верно, позабыл и братьев, и сестер. Подойди-ка к ним.

Юньшу послушно поднялся, обменялся приветствиями с каждым из родственников и лишь после этого вернулся на свое место.

Разговор за столом вскоре перетек на семейные дела. Женщины принялись обсуждать предстоящее замужество четырнадцатилетней Юнь Жухэ, четвертой дочери старшей госпожи Ван, и пятнадцатилетней Юнь Жулянь, третьей дочери наложницы Ху. Обе барышни при этих словах густо покраснели и смущенно потупились, вызвав ласковый смех старой госпожи.

Ли Ацзяо вспомнила досужие сплетни служанок о том, что из-за слабого здоровья третий молодой господин никогда не сможет завести детей. Будучи любимицей хозяина дома, она привыкла, что все в усадьбе заискивают перед ней. Дерзкое поведение пасынка задело ее самолюбие, и она решила нанести удар в самое больное место:

— Наш третий молодой господин ведь тоже давно вошел в брачный возраст. Не дело мужчине держать спальню пустой. А что до недугов... разве эти бродячие даосы смыслят в медицине? Тут нужен настоящий лекарь. Наш господин наверняка мечтает о многочисленных внуках.

Столь бесцеремонное упоминание чужой беды заставило присутствующих замереть. Другие наложницы переглядывались с ехидными ухмылками — до чужого горя им дела не было, они лишь предвкушали интересное зрелище. И только матушка Ань встревоженно сжала в руках край своего платка, не сводя с сына взгляда.

Цзин Юньшу, впрочем, ничуть не смутился. Подобные слухи были ему даже на руку — они избавляли его от навязчивого сватовства. Он ответил с ледяной вежливостью:

— Премного благодарен матушке Ли за беспокойство. Однако моими делами уже ведают бабушка, матушка Ван и отец. К тому же рядом всегда есть матушка Ань. Так что вам, матушка

Ли, право, не стоит утруждать себя лишними заботами.

Ответ прозвучал достаточно резко, однако Ли Ацзяо, не имея даже официального статуса наложницы, не могла ничем возразить. Старая госпожа терпела ее капризы лишь в угоду сыну, но теперь, видя, как та окончательно потеряла стыд и приличие, нахмурилась и сухо произнесла:

— Госпожа Ли сейчас тяжела, ей вредно подолгу засиживаться в гостях. Ступай-ка к себе и отдохни.

Ли Ацзяо вспыхнула от унижения, но спорить не посмела. Поднявшись со своего места, она круто развернулась и спешно покинула покой, опираясь на руку служанки Чуньцин. Оказавшись за порогом, она бросила полный ненависти взгляд на Сад Спокойствия и Мира и злобно прошептала: "Старая ведьма!"

Цзин Юньшу всегда отличался разборчивостью в еде. Даже изысканные блюда, приготовленные личным поваром усадьбы Юнь, не пришлись ему по вкусу. В богатых северных домах повара любили щедро сдабривать пищу черным перцем — приправа эта стоила дорого и служила признаком высокого положения хозяев. Цзин Юньшу не имел ничего против остроты, но терпеть не мог пряный, вяжущий привкус сычуаньского или черного перца. Янчжоуская же кухня славилась кисло-сладкими нотками и южным изяществом, однако и эти кулинарные изыски не пробудили в нем аппетита. К счастью, он предвидел это и еще до обеда велел подать себе легкий кислый бульон, поэтому теперь лишь вежливо пригубил несколько блюд и отложил палочки, высчитывая в уме время.

Словно по уговору, у дверей вскоре появился молодой слуга, о чем-то заговорщически шептавшийся с дежурной горничной. Старая госпожа, заметив это, ласково окликнула их:

— О чем вы там секретничаете? А ну-ка, войди и доложи.

Юноша торопливо перешагнул порог, отвесил глубокий поклон и произнес:

— Служанка из Двора Чистого Бамбука велела передать лекарство для третьего молодого господина. Она строго-настрого наказывала не тревожить старую госпожу во время обеда, а лишь тихонько передать снадобье барину и проследить, чтобы он выпил его до капли.

В руках он держал лакированный туесок, из которого подоспевшая служанка извлекла пиалу с исходящим паром темным отваром. Цзин Юньшу едва заметно поморщился.

Напротив него сидел четырехлетний Юнь Ци, шестой сын наложницы Ся. Заметив гримасу на лице старшего брата, малыш смешно надул щеки и, подражая взрослым, погрозил ему пальчиком:

— Третий брат боится горького лекарства! Стыдно, стыдно!

Детская непосредственность вызвала взрыв дружного хохота за столом. Цзин Юньшу тоже улыбнулся, принял чашу из рук служанки, подул на горячий отвар и осушил ее одним махом. Слуга, забрав посуду, почтительно удалился.

Старая госпожа сочувственно вздохнула:

— Раз уж тебе нужно беречь силы, я не стану тебя задерживать. Матушка Ань, ступай вместе с ним, позаботься о сыне. А девчушка Цзинь пусть побудет со мной.

Матушка Ань поднялась со своего места, поклонилась свекрови и вместе с Цзин Юньшу направилась к выходу.

Лишь Юнь Вэнь провожал брата долгим, нечитаемым прищуренным взглядом, задумчиво поглаживая пальцами край фарфоровой чашки.

<http://bllate.org/book/18296/1760988>